

О. Ю. Динисламова

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БАЗОВОЙ
ЭМОЦИИ ‘СТРАХ’ В МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале соматических фразеологических единиц)**



В статье на материале соматических фразеологических единиц (далее СФЕ) мансийского языка рассматривается языковая репрезентация базовой эмоции страха. Цель статьи – описание выражения эмоции на материале соматической фразеологии мансийского языка. Исследование проводится на основании лингвокультурологического и метафорического подходов. Реализация этой цели предполагает постановку и решение следующих задач: выявить СФЕ мансийского языка, репрезентирующие эмоцию страха; рассмотреть роль метафоры в репрезентации страха.

Ключевые слова: мансийский язык, обско-угорская фразеология, фразеологическая картина мира, наивная картина мира, соматизм.

С изменением парадигмы гуманитарного знания в сторону антропоцентризма изучение эмоций занимает одно из ключевых мест в современном языкознании. Данные, полученные учеными в области психологии и физиологии, помогают в разработке лингвистических проблем эмоций. И психологи, и лингвисты имеют один общий объект исследования: эмоции и чувства, – но подходы к их изучению различаются. Суть лингвистического подхода к изучению эмоций В. И. Шаховский сформулировал следующим образом: «Фиксирование эмоциональных процессов проходит посредством психического механизма их отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений. Отображение видового опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой структуре соответствующих слов – образов тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые и формируют эмотивность слова. Так эмоции “проникают” в слова, закрепляются в них, “хранятся” в них и при необходимости манифестируются, выражаются и опознаются с помощью этих слов» [Шаховский 2008, 5].

Следует признать, что дать эмоциям исчерпывающее естественнонаучное определение крайне затруднительно из-за произвольности дефиниции субъективного компонента феномена, в связи с чем вслед за О. Д. Тарасовой будем рассматривать



эмоции как «особый психонервный процесс положительного и отрицательного качества, оценивающий текущую ситуацию, ее значение для организма и отношение организма к ней, в том числе способным отражать вероятность удовлетворения актуальных потребностей и корригирующим адаптивное поведение. Другими словами, они представляют собой механизм индивидуальной адаптации, оценивающий адекватность взаимодействия организма со средой обитания в широком смысле этого слова» [Тарасова 2009, 26].

В нашем исследовании остановимся на примерах вербализации одной из базовых эмоций – эмоции страха – на материале СФЕ мансийского языка.

Страх относится к общечеловеческим эмоциональным состояниям, возникающим в определенных, опасных для человека ситуациях, поэтому он отражается в различных средствах языка, в том числе фразеологических. Эмоция страха, воплощенная во фразеологизмах, рассматриваемых в настоящей статье, – это главный экстралингвистический объект исследования, рассматриваемый нами в соответствии с лингвокультурологическим подходом, поскольку невозможно описать «эмоциональные сценарии» базовых эмоций причин-инициаторов эмоций, которые нередко носят этнолингвокультурологический характер. Так, эмоцию страха у детей народа манси могли вызывать различные фольклорные и мифологические существа, присущие исконно мансийской культуре, как *Танварпэква*, *Куль*, филин, щука, мышь. Примеры: *Молях ёл хуипен, тах Танварпэква ёхты* ‘Быстро спать ложись, а то Танварпэква придёт’; *Эла ул минэн, тот пись-пись олы* ‘Далеко не уходи, там мышка живет’; *Вõрн ул минэн, йипыгын ёхтавен* ‘В лес не ходи, а то филин (чудище) к тебе прилетит (придёт)’; *Витын ул новхатэн, яныг сортын витн хартавен* ‘В воду понапрасну не лезь (не трогай), а то большая щука тебя в воду затянет’. Актуальность концептуального анализа языковых единиц с точки зрения лингвокультурологии состоит в том, что такой анализ позволяет рассмотреть особенности эмоциональной жизни человека в сфере культурного мира.

Исследование СФЕ мансийского языка, репрезентирующих эмоцию страха, позволило сделать вывод о её исключительно сложной концептуальной структуре. СФЕ выполняют роль хранилища информации не только о том, что происходит во внутреннем мире человека, но и о том, как данное эмоциональное состояние проявляется и как оно оценивается самим говорящим и окружающими.

Отметим, что ранее в мансийском языке нами была рассмотрена языковая репрезентация эмоций радости, печали и гнева на материалах соматической фразеологии мансийского языка [Динисламова 2017, 19–30; 2017, 28–35]. В близкородственном хантыйском языке существует ряд научных статей В. Н. Соловар [Соловар 2011, 33–37; 2012, 60–68], Ю. Г. Миляховой [Миляхова 2013, 44–49], посвященных сфере эмоций. В частности, внимание исследователей уделяется национально-культурным особенностям языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека, номинациям человека по внутренним параметрам, в том числе эмоциональным состояниям, а также способам выражения эмотивности.

Уходя корнями в прошлое, страх был присущ еще первобытному человеку: страх перед необъяснимыми явлениями природы, страх нападения, страх преодоления трудностей, страх за свою жизнь и жизнь окружающих людей, страх будущего –



все эти примеры подтверждают, что эмоция страха – одна из доминантных и носит универсальный характер. При этом, будучи универсальной эмоцией, страх в то же время обладает некоторыми специфическими для каждого народа чертами, что объясняется наличием субъективного образа окружающей действительности, который определяется различными знаковыми формами.

Говоря о ценностях и моделях поведения человека в ситуации страха, И. Ф. Рогозина приводит психофизическое определение страха, возникающего в обычных условиях: «В соответствии с психофизическим определением, страх есть эмоция, состоящая в резком и неприятном нарушении психического равновесия, возникающем под воздействием какого-либо стрессового фактора, несущего в себе опасность того или иного рода» [Рогозина 1999, 281]. Особое проявление страха – испуг, иногда называемый «неожиданным страхом». Он возникает как реакция на неожиданный сильный звук или какой-либо объект. Для такого страха характерна кратковременность протекания [Ильин 2008, 168].

Характеристики страха: универсальность, интенсивность, возможность вербализации – способствовали возникновению в мансийском языке множества метафор. Дж. Лакофф и М. Джонсон, предложившие метафорический подход при изучении эмоций, отмечают, что языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Наиболее адекватным лингвистическим описанием эмоций авторы считают описание через метафоры, которыми эти эмоции концептуализируются в языке [Лакофф 2004, 491]. В настоящей статье основными средствами создания образности СФЕ мансийского языка при репрезентации эмоции страха также являются метафоры. Образные ассоциации СФЕ, представленные в статье, преимущественно базируются на метафорическом переносе значения. Метафора оживляет реальное значение фразеологизма, с одной стороны, и ярче отражает его национально-культурные особенности – с другой. Метафора «позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации для носителя данного языка» [Маркелова 2005, 20].

В мансийском языке СФЕ, репрезентирующие эмоцию *страха*, составляют не столь обширный корпус, как, например, при репрезентации эмоции *гнева*. Это объясняется, прежде всего, тем, что состояние страха (в отличие от состояния гнева) как одной из наиболее ярких эмоций, активно выражающейся невербальными средствами, менее выраженный, поскольку по большей части он является непроизвольным эмоциональным состоянием, отражающим защитную биологическую реакцию субъекта при переживании им реальной или мнимой опасности для здоровья и благополучия. В материалах выборки (информанты М. Т. Двинянинова, В. С. Иванова, С. С. Динисламова, Г. П. Самбиндалова, Л. Н. Панченко и др.) нами выделены 18 лексем, которые легли в основу образования СФЕ, репрезентирующих эмоцию страха: *сым* 'сердце', *нёвьиль* 'мясо', *лāгыл* 'нога', *кāt* 'рука', *алпим* 'тело', *рēг вит* 'пот', *кēлл* 'кровь', *тарс* 'сосуд', *хаңра патта* 'пятка', *лылы* 'душа-дыхание', *исхор* 'душа', *сов* 'кожа (шкура)', *лāгыл тулёвыл* 'палец ноги', *ос* 'кожа лица', *нēлм* 'язык', *сам* 'глаз', *вильт* 'лицо', *сēпри* 'затылок'.

Среди приведенных компонентов выделим лексему *сым* 'сердце' как наиболее продуктивный и частотный соматический компонент, репрезентирующий эмоцию страха, что обусловлено ясностью функций этой части тела в языке, легкостью



её аллегорического осмысления. Как главный смыслообразующий компонент лексема *сым* в мансийской лингвокультуре в соответствии с «наивной» картиной мира носителей языка является «вместилищем» страха. Мансийский язык, активно прибегая к СФЕ с данным соматизмом, использует различные способы метафоризации. Так, *сердце* может обладать предметными признаками, реализованными посредством артефакта «сердце – предмет», например:

Сымум ты покапи ‘Сильно испугаться, бояться’ (букв. ‘сердце сейчас лопнет (треснет)’). Или *Кӯсягум тох лявтуңкве патыс, сымум ала ты покапас* ‘Начальник стал так сильно ругаться, что я испугался’ (букв. ‘начальник стал так сильно ругаться, сердце [моё] чуть не лопнуло’);

Сымум киттыг ты паты (толматы) ‘Испытывать чувство ужаса’ (букв. ‘сердце [моё] вот-вот надвое разделится (разорвется)’). Например: *Йснасныл матыр касаласум, сымум киттыг та патыс* ‘В окне я нечто увидела, испытала ужас’ (букв. ‘в окне я нечто увидела, сердце [моё] надвое поделилось’).

Метафорически *сердце* может представлять собой контейнер:

Сыме пилысьмал тәгиньтас ‘Испугаться, бояться’ (букв. ‘сердце [его] страхом наполнилось’). Например: *Пыгрись ворт тыныс, тыи мәгыс сыме пилысьмал тәгиньтас* ‘Мальчик в лесу заблудился, из-за этого испугался’ (букв. ‘мальчик в лесу заблудился, из-за этого сердце [его] страхом наполнилось’).

Метафорический образ СФЕ с компонентом *сым*, связанный с зооморфной метафорой, представляют собой образ зайца, повадки которого ассоциируются с трусливым, несмелым поведением субъекта:

Сõвыр сым ‘Боязливый, трусливый’ (букв. ‘зайца сердце’). Например: *Тав а́гитэ сяр сõвыр сым* ‘Его дочь такая трусиха’ (букв. ‘дочь [его] совсем заячье сердце’);

Сõвыр сым тәсын ‘Боязливый, трусливый’ (букв. ‘заячье сердце съела’). Например: *Наң аквтоп сõвыр сым тәсын* ‘Ты такой трусливый’ (букв. ‘ты будто заячье сердце съел’).

Отметим подобную, активно использующуюся в мансийской речи СФЕ, характеризующую трусливое поведение человека:

Пиласи сым ‘Боязливый, трусливый’ (букв. ‘трусливое сердце’). Например: *Пиласи сымың хотпат тув ул вос минэгыт* ‘Трусливые люди туда пусть не идут’ (букв. ‘с заячьими сердцами люди туда пусть не идут’).

В сознании носителей мансийского языка *сердце* посредством *биоморфной* метафоры отождествляется с живым существом с признаком «сердце – живое существо», а также – *антропоморфной* метафоры с признаком «сердце – человек»:

Сымум манумтас ‘Испугаться (от неожиданности, от ощущения грядущей беды, от плохого известия)’ (букв. ‘сердце [моё] рвануло, дёрнуло’). Например: *Люль ляххал хунтамлым, сымум татем манумтас* ‘Услышав плохое известие, я сильно испугалась’ (букв. ‘плохое известие услышав, сердце [моё] так и дёрнулось’);

Сымум сорнятас ‘Испугаться’ (букв. ‘сердце [моё] вздрогнуло’). Например: *Илттыг татем сымум сорнятас* ‘От неожиданности я так сильно испугалась’ (букв. ‘неожиданно сердце [моё] так и вздрогнуло’);

Сымум торги ‘Бояться’ (букв. ‘сердце [моё] дрожит’). Например: *Тамле пилысьма касалас, сыме иң нас тõрги* ‘Такой ужас увидела, до сих пор боится’ (букв. ‘такой ужас увидела, до сих пор сердце [её] так и дрожит’);



Сымум хурахлы 'Бояться, остерегаться' (букв. 'сердце [моё] боится'). Например: *Тот сāv мир атхатас, тув минуңкве сымум хурахлы* 'Там много людей собралось, я боюсь туда идти' (букв. 'там много людей собралось, туда идти сердце [моё] боится');

Сымум рохтыс 'Испугаться, бояться' (букв. 'сердце [моё] испугалось'). Например: *Эти кон квалуңкв сымум рохтыс* 'Выйти на улицу ночью я побоялась' (букв. 'ночью на улицу выйти сердце [моё] испугалось').

Помимо СФЕ с соматизмом *сым* эмоция страха с признаком «живое существо» в мансийском языке может быть представлена в виде СФЕ со иными соматическими компонентами:

Нёвлюм нас тōрги 'Бояться, дрожать от страха' (букв. 'мясо (мышцы) [моё] так и дрожит'). Например: *Хунь тав ам нуплум аңкватас, нёвлюм нас тōргалтахтас* 'Когда он на меня так глянул, я задрожала от страха' (букв. 'когда он на меня так глянул, мясо (мышцы) [моё] так и задрожало');

Лāглагум нас тōргег 'Бояться, испугаться' (букв. 'ноги [мои] дрожат'). Например: *Лёккар касалас, лāглаге нас тōргег* 'Врача увидел, так испугался' (букв. 'врача увидел, ноги [его] так и дрожат');

Лāгыл-кāt тāнанум нас тōргегыт 'Дрожать от страха' (букв. 'жилы на руках-ногах [моих] трясутся'). Например: *Лув ам похамт сұлтыс, лāгыл-кāt тāнанум ты муста тōргегыт* 'Лошадь около меня промчалась, до сих пор я дрожу от страха' (букв. 'лошадь около меня промчалась, до сих пор на руках-ногах [моих] жилы трясутся');

Кāтагум тōргег 'Бояться' (букв. 'руки [мои] дрожат'). Например: *Хумитэн рōхтавес, нā кāтаге нас торгег* 'Муж на неё накричал, женщина до сих пор боится' (букв. 'муж на неё накричал, у женщины руки [её] так и дрожат').

Вышеприведённые примеры свидетельствуют, что в мансийском языке чётко прослеживается частотность обращения к таким соматическим симптомам, как дрожь тела, тремор конечностей.

Эмоция страха с метафорическим признаком «живое существо» может быть репрезентирована с образным значением уменьшения размера (объёма):

Алпим сома акван сюңкыртахтас 'Испугаться' (букв. 'тело [моё] сжалось'). Например: *Самагум нох алмуңкве ат вёрмегум, алпим сома акван сюңкыртахтас* 'Я даже глаза не могу поднять, так сильно испугалась' (букв. 'я даже глаза [мои] вверх не могу поднять, тело [моё] словно всё сжалось').

Реакцией на чувство страха помимо дрожи и тремора может стать базовая метафора, характеризующаяся ощущением чувства холода, оледенения, а также застывания, замирания (окаменения) и т. п.:

Алпим сома пōлям витыл равтасавес (сосыгнавес) 'Испугаться (от неожиданности)' (букв. 'тело [моё] будто холодной водой плеснули (окатили)'). Например: *Тав татем илттыг сялтапас, ам алпим сома пōлям витыл равтасавес* 'Он так неожиданно вошёл, что я испугалась' (букв. 'он так неожиданно вошёл, на тело [моё] будто холодной водой плеснули');

Полям рег витын перыглаңкве 'Испугаться' (букв. 'холодным потом завернуть'). Например: *Савын кан тара миным, сяр полям рег витын перыглавесум* 'Проходя мимо кладбища, я сильно испугался' (букв. 'проходя мимо кладбища, меня всего холодным потом завернуло');



Кѣлпе сома тув пѣлис ‘Сильно испугаться’ (букв. ‘кровь [еѣ] словно заледенела’). Например: *Вѣнхан ала ты ѳсувлас, хунь аѣкватас, кѣлпе тара тув та пѣлис* ‘В яму чуть не шагнула, когда увидела, сильно испугалась’ (букв. ‘в яму чуть не шагнула, когда увидела, кровь [еѣ] словно заледенела’);

Кѣлп тѣрсанум сома яѣкын хартумтавесыт ‘Испугаться’ (букв. ‘сосуды [мои] словно льдом затянуло’). Например: *Хѣпум яныг хумпытн хосгуѣкве патвес, тѣнт кѣлп тѣрсанум сома яѣкын хартумтавесыт* ‘Когда мою лодку на больших волнах стало раскачивать, тогда я сильно испугалась’ (букв. ‘когда лодку [мою] на больших волнах стало раскачивать, тогда сосуды [мои] словно льдом затянуло’);

Сѣмум тув картыс ‘Испугаться’ (букв. ‘сердце [моѣ] обмерло (окаменело)’). Например: *Ѣлаль аѣкватасум, сѣмум тара тув та картыс* ‘Вниз посмотрела, так испугалась’ (букв. ‘вниз посмотрела, сердце [моѣ] будто обмерло’).

Реже чувство страха в мансийском языке сопровождается ощущением жара:

Алпим регыл пинвес ‘Испугаться’ (букв. ‘тело жаром обдало’). Например: *Сѣмум татем пелялаѣкв патыс, ты хосыт алпим регыл пинвес* ‘Сердце стало колоть, из-за этого я испугалась’ (букв. ‘сердце [моѣ] стало колоть, из-за этого тело [моѣ] будто жаром обдало’).

Пространственная метафора при репрезентации эмоций мансийского языка в целом, так и при выражении эмоции страха в СФЕ представляет собой особый интерес и заслуживает отдельного всестороннего исследования. Так, представляется важным отметить, что метафорические образы пространственного перемещения в мансийском языке при именовании эмоции страха преимущественно строятся на основе наиболее продуктивного репрезентативного исходного соматического компонента *сым*:

Сѣмум хотталь тай та ояс (минас, тыпылтахтас, сѣлтыс, сялтапас, тахыс) ‘Испугаться’ (букв. ‘сердце [моѣ] куда-то (неожиданно) сбежало (ушло, затерялось, умчалось, спряталось, исчезло)’). Например: *Яныг ѳй касалым, сѣмум аквотп тав ѣлы-пѣлѣт та сѣлтыс* ‘Большого зверя увидев, я так сильно испугалась’ (букв. ‘большого зверя увидев, сердце [моѣ] будто вперѣд его умчалось’);

Вѣрт сѣй хѣлсум, сѣмум та тыпылтаслум ‘Услышав в лесу звук, я сильно испугалась’ (букв. ‘в лесу звук услышав, сердце [моѣ] я потеряла’); *Ѧви туп рѣталтавес, сѣмум хотталь та тахас* ‘От резкого стука в дверь я сильно испугалась’ (букв. ‘в дверь только застучали, сердце [моѣ] куда-то исчезло’);

Сѣмум ѣл рагатас (патыс, ойматас) ‘Испугаться’ (букв. ‘сердце [моѣ] вниз выпало (упало, соскользнуло)’). Например: *Тѣлп касалым, сѣмум ѣл рагатас* ‘Кровь увидев, я испугалась’ (букв. ‘кровь увидев, сердце [моѣ] вниз упало’);

Сѣмум сяр лѣгыл тулѣвылн ѣхтыпалыс ‘Сильно испугаться’ (букв. ‘сердце [моѣ] совсем близко к пальцу ноги доходило’). Например: *Ѣти вѣрт рохсуй хулым, сѣмум сяр лѣгыл тулѣвылн ѣхтыпалыс* ‘Ночью в лесу услышав крик, я так сильно испугалась’ (букв. ‘ночью в лесу крик услышав, сердце [моѣ] совсем близко к пальцу ноги доходило’);

Сѣмум хаѣра паттан хояс ‘Сильно испугаться’ (букв. ‘сердце [моѣ] пяток коснулось’). Например: *Ала ты пуввесум, сѣмум сяр хаѣра паттан хоилгас* ‘Меня чуть не поймали, я очень сильно испугался’ (букв. ‘меня чуть не поймали, сердце [моѣ] пяток коснулось’);



Сымум кон ты повари (нэ́глы) 'Испытывать сильный страх' (букв. 'сердце [моё] словно сейчас выкатится (вылезет)'). Например: *Акар татем хортылтах-тас, сымум кон ты повари* 'Овчарка так сильно залаяла, я испытала сильный страх' (букв. 'овчарка так сильно залаяла, сердце [моё] словно сейчас выкатится');

Сымум ойматас 'Испугаться' (букв. 'сердце соскользнуло'). Например: *Сяхыл кураатамет, сьме аквтон ойматас* 'Услышав раскат грома, она испугалась' (букв. 'раскат грома услышав, сердце [её] будто соскользнуло');

Сымум кон ты повари (порыгми) 'Бояться' (букв. 'сердце [моё] вот-вот выкатится (выпрыгнет)'). Например: *Я-та, товлы-я, ул лявтэн, сымум кон ты повари* 'Ну, хватит, не ругайся, я боюсь' (букв. 'ну, хватит, не ругайся, сердце [моё] сейчас выкатится').

Вышеперечисленные СФЕ, репрезентирующие чувства страха (испуга), построены на образной основе «ухода сердца со своего привычного места». Исследователи считают, что в основе этого образа лежит мифологическое представление о возможности сердца (души) перемещаться в теле. Отсутствие сердца в положенном (привычном) месте (в груди) и его перемещение на периферию человеческого тела, по мнению С. В. Кабаковой, означает нарушение нормального положения вещей, угрожающее жизни человека [БФСРЯ 2006, 632].

Метафорически образы пространственного перемещения могут быть репрезентированы и на основе других соматических компонентов:

Лылым кон ал та патыс 'Испытать сильный страх, испуг' (букв. 'душа-дыхание [моя] чуть наружу не выпала'). Например: *Най касалым, лылым кон ал та патыс* 'Увидев огонь, я очень испугалась' (букв. 'огонь увидев, душа-дыхание [моя] чуть наружу не выпала');

Исхорум минас (ояс) 'Сильно испугаться' (букв. 'душа [моя] (одна из душ) ушла (сбежала)'). Например: *Няврам нупыл ул ро́нхен, исхоранэ тах минэ́гыт* 'Не кричи на ребёнка, а то испугается' (букв. 'на ребёнка не кричи, а то одна из душ [его] уйдёт');

Исе хот рагатас 'Сильно испугаться' (букв. 'душа выпала'). Например: *Няврам рохтым татем та лё́ньси, аквтон исе хот рагатас* 'Ребёнок от страха так сильно плачет, очень испугался' (букв. 'ребёнок от страха так сильно плачет, как будто душа [его] выпала');

Мот совын патункв 'Испытать сильный страх' (букв. 'в другую кожу (кожу) попасть'). Например: *Тьи сунсу́нкве, мот совын патункве ро́ви* 'Если на это смотреть, можно сильно испугаться' (букв. 'если на это смотреть, то можно в другую кожу (кожу) попасть').

Необходимо заметить, что СФЕ мансийского языка, образованные на основе пространственной метафоры, обладают особенно яркой образностью и экспрессией: сердце к пальцу ноги подбегало, сердце пяток коснулось, в другую кожу (шкуру) попасть и др.

Особенность пространственной метафоры при репрезентации эмоции страха в мансийском языке – в преимущественном движении объекта в вертикальном направлении вниз (сердце вниз упало, соскользнуло и т. п.), движение наружу (сердце наружу выпрыгнуло, душа-дыхание чуть наружу не выпала), быстрое движение в неопределённом направлении по горизонтали, характеризующееся, как правило, высокой скоростью (сердце сбежало, ушло, одна из душ сбежала), а также исчезно-



вление объекта из поля видимости (сердце затерялось, спрягалось). Движение объекта вверх в вертикальном направлении не является характерным при репрезентации эмоции страха в отличие от репрезентации эмоций гнева [Динисламова 2017, 28–35], радости или печали [Динисламова 2017, 19–30].

В мансийской лингвокультуре страх может концептуализироваться как некая сила, которая воздействует на субъекта извне. Иными словами, репрезентативные исходные образы могут быть представлены образами физического воздействия, где стержневой соматический компонент СФЕ является объектом такого воздействия, например:

Сымумн матыр пѣлхатас ‘Неожиданно испугаться’ (букв. ‘что-то в сердце [моё] воткнулось’). Например: *Тав люль лѣтѣ сяр сымумн пѣлхатас* ‘Его плохие слова меня испугали’ (букв. ‘плохие слова [его] в сердце [моё] воткнулись’);

Осум хот-нуймтавес ‘Сильно испугаться’ (букв. ‘кожу [моего] лица сдёрнули’). Например: *Хасьтѣл хѣтпат юн касалым, осум хот та нуймтавес* ‘Чужаков в доме увидев, я очень испугалась’ (букв. ‘незнакомых людей в доме увидев, кожу [моего] лица сдёрнули’).

Посредством СФЕ может актуализироваться и семантический признак трудности речепродуцирования в ситуации переживания страха. Так, наиболее интенсивное состояние страха – ужас – выражается полной потерей контроля над речевой деятельностью:

Нѣлмум ѓл ханас ‘Не в состоянии говорить’ (букв. ‘язык [мой] прилип (прилепился)’). Например: *Нас та люлегуем, нѣлмум аквтоп ѓл ханас* ‘Просто стою, не в состоянии что-то промолвить’ (букв. ‘просто стою, язык [мой] прилепился’);

Нѣлме аквтоп хот-яктапавес ‘Потерял дар речи’ (букв. ‘язык [его] словно срезали’). Например: *Хѣйтнутыт ѓт хѣнтхатым, нѣлме аквтоп хот-яктапавес* ‘Увидев волков, он потерял дар речи’ (букв. ‘с волками повстречавшись, язык [его] словно срезали’);

Нѣлме сайттѣл патыс ‘Потеряла дар речи’ (букв. ‘язык [её] онемевшим стал’). Например: *Хумитѣ кол алал ѓл порыгмас, тав нѣлме сайттѣл патапалыс* ‘Её муж спрыгнул с крыши, она потеряла дар речи’ (букв. ‘муж [её] с крыши спрыгнул, у неё язык [её] онемевшим стал’);

Нѣлме хот-тосас (янтыс) ‘Не в состоянии говорить’ (букв. ‘язык [его] высох’). Например: *Мирн потре лѣвнѣ ѓлы-пѣлт, нѣлме хот-тосас* ‘Перед выступлением она была не в состоянии говорить’ (букв. ‘перед выступлением перед людьми язык [её] высох’).

Приведённые примеры наглядно демонстрируют, что субъект в ситуации переживания страха, а следовательно, и стресса, теряет способность внятно и адекватно реагировать на происходящее.

По природе страх непроизволен и иррационален, ему сопутствуют неконтролируемые действия, а переживание страха вызывает экстремальные формы физиологической реакции человека, что может быть выражено какими-либо действиями субъекта:

Лѣглыл сѣприн хоюѣкве ‘Мчатся сломя голову’ (букв. ‘ногами затылок задевать’). Например: *Нѣвбрамыт рохтуптавесыт, лѣгланыл сѣприн хоим оясыт* ‘Детей так напугали, что они умчались сломя голову’ (букв. ‘детей так напугали, что они убежали, ногами затылки [свои] задевая’);



Лāглыг сēприныл виңкве 'Мчатся сломя голову' (букв. 'из затылка ноги брать'). Например: *Ань рōңхувлылум, лāглагын тах сēприныл выягын* 'Сейчас как крикну, умчишься сломя голову' (букв. 'сейчас как крикну, что ноги [свои] из затылка будешь брать').

И, наоборот, переживание страха может блокировать передвижение:

Лāглаге āңквалыг ēмтапасыг 'Оцепенеть' (букв. 'ноги [его] брѣвнами сделались'). Например: *Тулмах ēт хонтхатым, лāглаге āңквалыг ēмтапасыг* 'С росомахой повстречавшись, он оцепенел' (букв. 'с росомахой повстречавшись, ноги [его] брѣвнами сделались');

Лāгланум-кāтанум хот-нѣвламасыт 'Оцепенеть' (букв. 'ноги-руки [мои] обмякли'). Например: *Яныг хōнтлан вāрмалъ урыл потрыт хūлым, лāгланум-кāтанум хот-нѣвламегыт* 'Когда о войне слышу, я цепенею' (букв. 'когда о войне слышу, ноги-руки [мои] обмякают');

Лāглагум тув кāртсыг 'Оцепенеть' (букв. 'ноги [мои] недвижимыми стали'). Например: *Хайтуңкв ат вѣрмегум, лāглагум сяр тув кāртсыг* 'Бежать не могу, потому что оцепенел (от страха)' (букв. 'бежать не могу, ноги [мои] совсем недвижимыми стали').

Как видно из вышеприведенных примеров, в репрезентации эмоции страха в мансийском языке, помимо всех вышеперечисленных метафорических моделей, важную роль играет метафорическая модель физической дисфункции, т. е. концептуализация психического состояния через симптомы, которые «приписываются этому состоянию в обыденном сознании носителя данного языка» [Баранов, Добровольский 2008, 135], а именно: нарушение физиологически важных функций организма – остановка сердца (сердце обмерло, окаменело), потеря способности двигаться (ноги брѣвнами сделались, ноги недвижимыми стали), слабость (руки дрожат, ноги-руки обмякли, язык заплетается), интенсивная реакция организма (ногами затылок задевать).

Поскольку любые эмоции суть психофизиологический феномен, то о возникновении переживания субъекта можно судить и по характеру внешних проявлений эмоций. В мансийском языке локусом страха могут стать лицо и его части:

Вильтэ хасътāлыг вāрапахтас 'Поменяться в лице' (букв. 'лицо [его] незнакомым (неузнаваемым) сделалось'). Например: *Пилысьмал ēхтувес, вильтэ хасътāлыг вāрапахтас* 'От страха он поменялся в лице' (букв. 'страх к нему пришёл, лицо [его] неузнаваемым сделалось');

Вильтэ сōви хартхатас 'Лицо перекосилось' (букв. 'Лицо [его] криво стянулось'). Например: *Ойка хасътāл мāt татем хūрахлы, вильтэ сōви хартхатас* 'Мужчина в незнакомом месте так боится, от страха даже лицо перекосилось' (букв. 'мужчина в незнакомом месте так боится, лицо [его] криво стянулось');

Осэ пūt хурипаг ēмтыс 'Сильно испугаться' (букв. 'кожа лица [его] чёрной как котел стала'). Например: *Нявраме мир халт тыпыттым, осэ пūt хурипаг ēмтапас* 'Потеряв ребёнка среди толпы, она сильно испугалась' (букв. 'ребёнка потеряв среди людей, кожа лица [её] вдруг чёрной как котёл стала').

Как и при репрезентации других эмоций, для мансийской лингвокультуры специфична объективация страха через описание выражения глаз. Будучи местом локализации страха, глаза претерпевают некоторые изменения, прежде всего увеличиваясь:



Рохтуме итыл самаге кон ал рагатасыг ‘Глаза чуть не выпали’ (букв. ‘от страха глаза [её] чуть не выпали’). Например: *Нэ рохтуме итыл самаге кон ал рагатасыг* ‘У женщины от такого страха глаза чуть не выпали’ (букв. ‘у женщины от испуга глаза [её] чуть не выпали’);

Самаге янгыг хартыяге ‘Глаза вытаращить’ (букв. ‘глаза [свои] большими растягивать’). Например: *Пись-пись касалас, самаге янгыг хартапас* ‘Увидев мышку, он вытаращил глаза’ (букв. ‘увидев мышку, он глаза [свои] большими растянул’).

Кроме того, большое внимание, с точки зрения лингвистики, привлекает цвет лица как показатель перемены эмоционального состояния человека. М. В. Пименова отмечает, что признак «цвет лица» важен для понимания эмоционального состояния человека. Бледность она определяет признаком страха или усталости [Пименова 2009, 101]. Анализ цветообозначения СФЕ, репрезентирующих страх в его внешнем проявлении, указывает на то, что в мансийском языке данная эмоция осмысливается через белый цвет:

Вильтэ хот нуюмтавес (сёнхатас) ‘Побледнеть (от страха)’ (букв. ‘лицо [её] побелело’). Например: *Агирись тох та рохтум, вильтэ хот-ноюмтавес* ‘От страха девочка побледнела’ (букв. ‘у девочки от страха лицо [её] побелело’);

Вильтэ яңкыг сёнхатас ‘Побледнеть (от страха)’ (букв. ‘лицо [его] белым стало’). Например: *Пыгрись татем та юртанэн рохтуптавес, вильтэр яңкыг сёнхатас* ‘Друзья так напугали мальчика, что он побледнел от страха’ (букв. ‘мальчика так сильно друзья [его] испугали, что лицо [его] белым стало’);

Вильтэ туйт хурипаг ёмтыс ‘Побледнеть (от страха)’ (букв. ‘лицо [его] как снег стало’). Например: *Манрыг наң ляххал ат мисын, сянин вильтэ туйт хурипаг ёмтапас* ‘Почему ты не сообщил о приезде, мать совсем бледная от страха стала’ (букв. ‘почему ты не дал весточку, матери лицо как снег стало’).

Как видно из материалов выборки, внешнее проявление эмоции страха в мансийском языке, в отличие от внешних проявлений других, исследованных ранее эмоций радости, печали и гнева, имеет единственную форму проявления в виде неконтролируемых физиологических реакций тела на причину, вызвавшую страх (ноги-руки обмякли, лицо криво стянулось, глаза чуть не выпали, лицо белым стало). Контролируемые же двигательные реакции субъекта на фактор, вызвавший страх, нами зафиксированы не были; очевидно, это связано с тем, что страх – произвольное эмоциональное состояние.

Таким образом, рассмотрев мансийские СФЕ, репрезентирующие эмоцию страха, на основе различий между выражением данной эмоции мы выделили следующие базовые модели: 1) деформацию сердца (сердце лопается, трескается, надвое разделяется); 2) представление сердца в виде сосуда (сердце страхом наполняется); 3) ассоциацию с образом зайца (заячье сердце, сердце заячье съест); 4) вздрагивание сердца (сердце рвануло, дёрнуло, вздрогнуло); 5) ощущение дрожи, тремора, озноба (сердце дрожит, жилы трясутся, руки-ноги дрожат); 6) уменьшение в размере (тело сжалось); 7) ощущение холода, реже жара (на тело холодной водой плеснули, тело жаром обдало); 8) замирание, застывание, оледенение (сердце обмерло, кровь заледенела, сосуды льдом затянуло); 9) утрату обычного местонахождения (сердце пяток коснулось, сердце к пальцу ноги подбегало, душа выпала, в другую кожу попасть); 10) ощущение боли (в сердце что-то воткну-



лось, кожу лица сдёрнули); 11) ощущение онемения, оцепенение, обездвижение органов и частей тела: а) онемение языка (язык онемевшим стал, застрял, высох); б) оцепенение, подкашивание ног-рук (ноги к низу прилипли, ноги-руки обмякли, ноги недвижимыми стали); 12) внешние поведенческие реакции (ноги из затылка брать); 13) изменение внешнего вида и цвета лица (лицо незнакомым стало, лицо криво стянулось, лицо белым стало, лицо как снег стало); 14) широко раскрытые глаза (глаза чуть не выпали, глаза большими растягивать).

Проведенный анализ данных базовых моделей позволяет нам сделать следующие выводы:

Фразеологическая активность соматизма, его частотность в составе ФЕ определяется степенью закреплённости в общественном сознании и понимании необходимости того или иного органа или части человеческого тела в труде и жизни. Среди компонентов, репрезентирующих эмоциональное состояние страха в мансийской языковой картине мира, нами зафиксированы соматизмы, имеющие символическую ценность для носителей мансийского языка и культуры: *сым* 'сердце', *нёвиль* 'мясо', *лāгыл* 'нога', *кāt* 'рука', *алпим* 'тело', *рēг вит* 'пот', *кēлп* 'кровь', *тарс* 'сосуд', *хаңра патта* 'пятка', *лылы* 'душа-дыхание', *исхор* 'душа', *сов* 'кожа (шкура)', *лāгыл тулёвыл* 'палец ноги', *ос* 'кожа лица', *нēлм* 'язык', *сам* 'глаз', *вільт* 'лицо', *сēпри* 'затылок'.

Фактический материал позволил установить, что самую многочисленную группу фразеологизмов, репрезентирующих эмоцию страха, являют СФЕ с компонентом *сым* 'сердце', что обусловлено некой культурной информацией, закрепившейся в этом органе, как символу. Сердце является средоточием человеческих эмоций и чувств, именно поэтому вокруг него расположились СФЕ, передающие различные эмоционально-психологические состояния человека. Лексема *сым*, будучи наиболее частотным и продуктивным компонентом при репрезентации эмоции страха, таким образом, согласно наивной анатомии, является «вместилищем» страха, что, безусловно, представляет собой особенность мансийской ЯКМ.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что основное средство создания образности СФЕ мансийского языка при репрезентации эмоции страха – метафора. Нами выявлены наиболее продуктивные типы метафор при выражении исследуемой эмоции: антропоморфная, биоморфная, зооморфная, предметная, метафоры пространственного перемещения, метафоры дисфункции органов, метафоры физического воздействия.

В основе антропоморфной метафоры, кодирующей исследуемую эмоцию, лежат такие явления, как персонификация и олицетворение (сердце боится, сердце испугалось). Биоморфная метафора отождествляется с любым субъектом, проявляющим признаки живого существа (сердце вздрогнуло, тело сжалось, душа сбежала). В основе предметной метафоры лежат предметные признаки, которые реализуются посредством артефакта «предмет» (сердце лопается, трескается, страхом наполняется). Основа метафоры физического воздействия – признак «сердце – объект воздействия» (тело холодной водой окатили, тело жаром обдало, что-то в сердце воткнулось, язык срезали). Пространственная метафора при репрезентации эмоции страха, как отмечено выше, представляет собой особый интерес для изучения.



Особенностями её в мансийской ЯКМ являются преимущественное движение объекта в вертикальном направлении вниз (сердце вниз упало, соскользнуло); движение наружу (душа выпала, сердце наружу выпрыгнуло); быстрое движение в неопределённом направлении по горизонтали, характеризующееся, как правило, высокой скоростью (сердце сбежало, ушло, одна из душ сбежала), а также исчезновение объекта из поля видимости (сердце затерялось, спряталось). Движение объекта вверх в вертикальном направлении не характерно при репрезентации эмоции страха в мансийском языке. Метафорическая модель «дисфункция органов» указывает на высокую степень интенсивности эмоционального состояния страха (сердце рвануло, мышцы дрожат, язык онемевшим стал). Зооморфная метафора при репрезентации эмоции страха в мансийском языке представлена на основе единственного зооморфного образа – *зайца* (сердце зайца съело). В целом относительно роли метафоры в создании образности СФЕ нужно отметить, что наиболее репрезентативными исходными образами, используемыми при именовании эмоции страха, являются образы пространственного перемещения и дисфункции органов.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. 784 с.
- Динисламова О. Ю.* Языковая репрезентация базовой эмоции 'гнев' в мансийской фразеологической картине мира // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 28–35.
- Динисламова О. Ю.* Языковая репрезентация базовых эмоций 'радость', 'печаль' в мансийской языковой картине мира (на материале соматических фразеологизмов) // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 19–30.
- Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2008. 783 с.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Маркелова Т. В., Хабарова О. Г.* Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом // Филологические науки. 2005. № 5. С. 17–27.
- Миляхова Ю. Г., Соловар В. Н.* Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2013. № 2 (12). С. 44–49.
- Пименова М. В.* Базовая метафора «человек – книга» (стереотипы русской культуры) // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В. В. Колесова. Севастополь: Рибэст, 2009. 504 с.
- Рогозина И. Ф.* Страх и бесстрашие: ценности и модели поведения (на материале русских и французских сказок) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 280–284.
- Соловар В. Н., Молданова Е. С.* Номинации человека по внутренним параметрам (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2011. № 3 (6). С. 33–37.
- Соловар В. Н.* Способы выражения эмотивности в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2012. № 3 (10). С. 60–68.



Тарасова О. Д. Анализ лингвокультурологического поля «эмоции» в сопоставительном аспекте (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 170 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Поступила в редакцию 14.09.2017

Динисламова Оксана Юрисовна,

научный сотрудник,

Научно-исследовательский отдел мансийской филологии и фольклористики БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», 628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а
e-mail: o.dinislamova@yandex.ru

O. Yu. Dinislamova

Linguistic Representation of the Basic Emotion 'Fear' in the Mansi Language (On the Material of the Somatic Phraseological Units)

The paper considers the linguistic representation of the basic emotion of fear on the material of the somatic phraseological units (hereinafter SPU) of the Mansi language. The purpose of the paper is to describe the expression of the emotion on the material of the somatic phraseology of the Mansi language. The study is conducted on the basis of the linguistic-cultural and metaphorical approaches. To meet the purpose the following objects are formulated and reached: to identify the SPU of the Mansi language which represent the emotion of fear, and to consider the role of metaphor in the representation of fear.

Keywords: the Mansi language, the Ob-Ugric phraseology, phraseological picture of the world, naive picture of the world, emotion of fear, somatism.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 4, pp.7–20. In Russian.

REFERENCES

Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Aspekty frazeologii* [Aspects of phraseology]. Moscow, Znak Publ., 2008. 656 p. In Russian.

Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij [Big phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Cultural comment] / Ed. by V. N. Teliа. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2006. 784 p. In Russian.

Dinislamova O. Ju. Yazykovaja reprezentacija bazovoj emocii 'gnev' v mansijskoj frazeologicheskoi kartine mira [The linguistic representation of the basic emotion 'anger' in the Mansi phraseological picture of the world]. *Vestnik ugrovedeniija* [Bulletin of the Ugric studies]. 2017, no. 3 (30), pp. 28–35. In Russian.

Dinislamova O. Ju. Yazykovaja reprezentacija bazovyh jemocij 'radost', 'pechal' v mansijskoj jazykovoi kartine mira (na materiale somaticheskikh frazeologizmov) [The linguistic representation of the basic emotions 'joy', 'sadness' in the Mansi language picture of the world (on the material of the somatic phraseological units)]. *Vestnik ugrovedeniija* [Bulletin of the Ugric studies]. 2017, no. 2 (29), pp. 19–30. In Russian.



Ilyin E. P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2008. 783 p. In Russian.

Lakoff Dzh. *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: What categories of the language tell us about the mind]. Moscow, Yazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004. 792 p. In Russian.

Markelova T. V., Habarova O. G. Metaforicheskaia cennost' frazeologizmov s opornym komponentom zoonimom ili fitonimom [The metaphorical value of phraseological units with a basic component zoonym or phytonym]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 2005, no. 5, pp. 17–27. In Russian.

Miljahova Ju. G., Solovar V. N. Nacional'no-kul'turnye osobennosti jazykovykh edinic sfery psihojemotional'nogo sostojaniia i povedeniia cheloveka (na materiale shuryshkarskogo i kazymskogo dialektov hantyjskogo jazyka) [National-cultural peculiarities of the language units of the sphere of psycho-emotional state and behavior (on the material of the Kazym and Shuryshkar dialects of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of the Ugric studies]. 2013, no. 2 (12), pp. 44–49. In Russian.

Pimenova M. V. Bazovaja metafora «chelovek – kniga» (stereotypy russkoj kul'tury) [The basic metaphor “a man – a book” (stereotypes of the Russian culture)]. *Mental'nost' i izmenyayushchisya mir: kollektivnaja monografija: k 75-letiju prof. V. V. Kolesova* [Mentality and the changing world: the collective monograph: to the 75th anniversary of Professor V. V. Kolesov]. Sevastopol, Ribjest Publ., 2009. 504 p. In Russian.

Rogozina I. F. Strah i besstrashie: cennosti i modeli povedeniia (na materiale russkikh i francuzskikh skazok) [Fear and courage: values and behaviour models (on the material of the Russian and French fairy tales)]. *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i jazyke* [Logical analysis of the language. The image of a human in culture and language]. Moscow, Indrik Publ., 1999. pp. 280–284. In Russian.

Solovar V. N., Moldanova E. S. Nominacii cheloveka po vnutrennim parametram (na materiale kazymskogo dialekta hantyjskogo jazyka) [Nomination of a human through the inner parameters (on the materials of the Kazym dialect of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of the Ugric studies]. 2011, no. 3 (6), pp. 33–37. In Russian.

Solovar V. N. Sposoby vyrazheniia emotivnosti v hantyjskom yazyke [Ways of expressing emotiveness in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of the Ugric studies]. 2012, no. 3 (10), pp. 60–68. In Russian.

Tarasova O. D. *Analiz lingvokul'turologicheskogo polia «emocii» v sopostavitel'nom aspekte (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov)* [The analysis of the “emotions” linguistic and cultural field in the comparative aspect (on the material of the English and Russian languages). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 170 p. In Russian.

Shahovskij V. I. *Lingvisticheskaja teoriia emocij: Monografija* [Linguistic theory of emotions: Monograph]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p. In Russian.

Received 14.09.2017

Dinislamova Oksana Yurisovna

Research Associate,

Ob-Ugric Institute of the Applied Research and Development Results,

14a, ul. Mira, Khanty-Mansyisk, 628011, Russian Federation

e-mail: o.dinislamova@yandex.ru